

Самость как деятельный аспект человеческой сущности

Еременко-Клаузер А. В.

Еременко-Клаузер Александр Владимирович / Eremenko-Klauzer Alexander Vladimirovich – аспирант,

научная специальность «Онтология и теория познания»,

Кемеровский государственный университет культуры и искусств, г. Кемерово

Аннотация: в статье проводится краткий анализ природы человеческой деятельности.

Ключевые слова: самость, субъект, деятельность.

В своем эссе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» Мигель де Унамуно писал: «неверно, что наши идеи делают нас оптимистами или пессимистами, наоборот – это наш оптимизм или пессимизм, будь он философского или патологического происхождения, создает наши идеи» [4, с. 26-27] – однако стоит заглянуть еще глубже, что такое истинно наше? Оптимизм или пессимизм, как личностные конструкты человеческой сущности, как информационно определенные кластеры его естества – все те же идеи, пусть не оформленные рефлексивной силой мысли, пусть не вложенные сознательной¹ составляющей в информационную структуру личности – понимания человеком того, что есть он – конкретный человек. Конкретный человек имеет имя, работу, мечты, страхи, но как страхи и мечты – пессимизм или оптимизм не всегда улавливается сознательным, что, однако, ни в коей мере не означает, будто страхи, мечты, оптимизм, пессимизм являются не культурно-информационными характеристиками, не личностными структурами. Нет – это именно личность, и Мигель де Унамуно говорит о ней, но само устремление философа уйти от категоризации, уйти к основам, «вглубь!»... - почему бы нам не ступить еще чуть дальше и осознать, о чем в действительности сказано здесь. Что то настоящее, что то живое, что то трепещущее, изначально сущее в человеке, первородное, неотъемлемое – вот истинная основа, до которой необходимо углубиться! Мигель де Унамуно связывает это с понятием чувства – и это близко к чувству, но столь же и далеко от него... Это нечто, что чувства и мысли делает реальностью, однако же и само возникает благодаря лишь чувствам и мыслям человека. Это его самость, пульсирующая в нем, в каждом проявлении личности, и не редуцируемая, не сводимая, но первичная его характеристика как человека.

Проводя анализ понятия «субъект», в одной из своих статей, С. Л. Рубинштейн писал: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» [3]. Понимание С. Л. Рубинштейном субъекта как центра тяжести человеческой сущности одновременно соседствует у него с пониманием субъекта как высшей формы активности человека [1, с. 51]. Это объясняется двойным определением, которое дает С. Л. Рубинштейн понятию субъект: «Говоря о познании субъекта, нужно различать субъект как определенную реальность — человека как сознательное существо, то есть того, кто является субъектом, и понятие субъекта, то есть функцию субъекта, которую он выполняет в процессе познания» [2, с. 165]. Первая часть этого определения сопоставима с общей

¹ Здесь и далее, «сознательное» нами понимается, как определенное в первую очередь культурой (вопрос о влиянии тела мы здесь элиминируем). Данная дефиниция таким образом оказывается уже понимания «сознательного», как некоей онтологической реальности и шире «сознательного», как синонима «осознанного».

дефиницией термина «субъект», вторая же часть – то есть субъект как функция – должна сопоставляться с тем уровнем человеческой структуры, которое мы называем деятельным аспектом, то есть самостью человека.

Исходя из этого, видно, что самость понимается нами не как некоторый конструкт культурно-информационного уровня человеческой сущности – то есть личности, но именно как деятельная функция человека, проявляющаяся через личность, но не сводимая к ней. Такое понимание самости в основе своей опирается на философию Платона, в том числе на диалог Алкивиад I, где как раз таки проводится поиск этого «самого само» человека. В данном диалоге Платон противопоставляет две позиции, которые мы определим, используя конструкционно удобную матрицу тезиса С. Л. Рубинштейна как позицию, где самость – это «то, чем делает», и позицию, где самость – это «то, что делает». При этом вторая позиция: «то, что делает» отличается от позиции непосредственно С. Л. Рубинштейна, где утверждается понятие субъекта как «то, что он делает».

Несомненно, сама формулировка позиции «то, чем делает» - может осуществляться лишь в рамках проблемы поиска самости, которую устанавливает Платон, но которая не устанавливается теми, кто эту позицию разделяет. Так человек, идентифицирующий себя с телом, не будет воспринимать свое тело как «то, чем делает», поскольку он будет воспринимать его как «то, что делает». Однако лишь поставив проблему поиска самости, тут же становится очевидно, что тело не есть «что», а есть «чем», по крайней мере очевидно при следовании логике Платона. Несмотря на то, что данный подход, несомненно, выстраивает вектор углубленного понимания сущности человека, определение самости, как «то, что делает», наравне с оформлением проблемы тела как того, «чем делает» - приводит к ситуации резкого разграничения между «то, что делает» и «то, чем делает», что в итоге сказывается не лучшим образом на возможности восприятия человека как сложностной, но цельной системы.

Позиция С. Л. Рубинштейна, как указано выше, в данном вопросе характеризует субъект как «то, что он делает». Учитывая двойственное определение субъекта, которое дает советский исследователь – данная характеристика относится как к субъекту в смысле сознательного субъекта действия, так и к субъекту как функциональному проявлению действия – то есть тому, что мы называем самостью. Данная позиция нацелена именно на преодоление разрыва между различными уровнями единой структуры человеческой сущности, однако смещение акцента с «что делает» на «что он делает» применимо в достаточно ограниченных рамках: лишь когда мы рассматриваем действие с позиции его проявления на личностном культурно-информационном уровне. А то, что С. Л. Рубинштейном самим делается акцент именно на этом аспекте, подтверждает его же уточнение, что не просто деятельностью, но «направлением» деятельности можно определять субъект [3]. Очевидно, что действие на личностном уровне означает действие и на остальных, однако с точки зрения объяснительной способности определение субъекта через то, «что он делает» - определяет лишь уровень личности, а, если говорить о направлении деятельности, то оно напрямую связывается именно с информационно-культурным уровнем человеческой организации.

Уравнивание самости и конкретного проявления самости рождается из страха утвердить некую метафизическую, необъяснимую сущность «то, что делает». Именно на этой основе С. Л. Рубинштейн критикует концепцию трансцендентального субъекта И. Канта [3].

Пытаясь выйти из данного затруднения, первое, на что стоит обратить внимание – это то, что самость есть само деяние, само по себе действие, но никак не «деяния», не направления действий, не конкретные акты человека в повседневности – в которых оно с необходимостью присутствует, но к которым оно не сводится. Что касается страха перед рождением необъяснимой метафизической сущности «то, что делает», то

возможность такого рождения обусловлена не стремлением найти это «что», а стремлением осуществить этот поиск через противопоставление «что» и «чем», которое было заложено Платоном. Данная ситуация может быть решена при постановке вопроса: «как делает». В этом случае необходимость размножения метафизических сущностей отпадает. Важно, в свою очередь, четко видеть разницу между: «как он делает», и «что он делает». Последнее является частным проявлением первого и определяет деятельность сознания так, как она регистрируется на уровне культуры и личности. В свою очередь «как» - акцентирует внимание на самой сути деятельного, энергичного проявления самости человека.

Литература

1. *Богданович Н. В.* Субъект как категория отечественной психологии, диссертация канд. психол. наук. – Москва, 2004., 170 с.
2. *Рубинштейн С. Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии – 1986. – № 4 июль-август – С. 101-109.
3. *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. *Унамуно Мигель де* О трагическом чувстве жизни. – М.: Изд-во Символ, 1996, 416 с.